

М-520, РЧ9

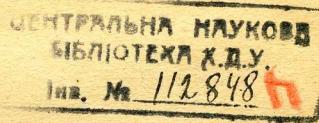
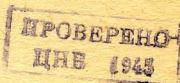
Д. С. МЕРЕЖКОВСКИЙ

Мин-Р
2203

Госуд. Книжный Фонд

НЕВОЕННЫЙ ДНЕВНИКЪ

1914—1916

ПЕТРОГРАДЪ
К-во „ОГНИ“
1917

Проверено
ЦНВ 1950

I.

Куда идетъ Россія? Великіе русскіе писатели отвѣчаютъ на этотъ вопросъ,—какъ бы вѣчныя вѣхи указываютъ путь Россіи.

Послѣдняя вѣха—Толстой. За нимъ—никого, какъ-будто кончились пути Россіи. За Толстымъ никого — или Горькій.

По сравненію съ тѣми, великими, Горькій малъ. Мало все, что рождается; велико все, что выросло, достигло своего предѣла и конца. Великимъ кажется прошлое, малымъ—будущее. Вотъ почему Горькій и тѣ, великіе,—младенецъ и взрослые, ростокъ, изъ-подъ земли едва пробившійся, и дремучіе, древніе дубы. Но они кончаются, а онъ начинаетъ. Они—настоящее и прошлое, а онъ — будущее. Откуда идетъ Россія, можно судить по нимъ, а куда,—по Горькому.

Сознаніе, идущее къ стихіи народной, воплотилось въ тѣхъ, великихъ. Обратное движеніе—народная стихія, идущая къ сознанію, воплотилась въ Горькомъ.

Сознаніе надъ стихіею властвуетъ. Народъ, идущій къ сознанію, есть народъ, идущій къ власти. Возникающее сознаніе народа—возникающая власть народа — „народо-властіе“, „демократія“. Горькій есть первый и единственный сейчасъ представитель возникающей русской демократіи.

Лица тѣхъ великихъ—гениально личныя, неповторяемыя; такихъ лицъ никогда еще не было и никогда уже не будетъ. У Горькаго какъ бы вовсе нѣтъ лица; лицо какъ у всѣхъ, собирательное, множественное, всенародное. Но правда единственныхъ, правда личностей („аристократія“ въ

«Мнѣ хотя нужно писать, но я не пишу черезъ свои трудныя материальныя обстоятельства. Я—человѣкъ непривилегированного класса, какъ крестьянинъ, рабочій—всякое время нужно убивать для насущнаго хлѣба... Мы, реальные, должны добывать хлѣбъ трудомъ и смертью»...

Это пишетъ въ частномъ письмѣ Архипъ, бывшій севастопольскій матросъ, который участвовалъ въ движениіи 1905 года, бѣгаль, сидѣль въ тюрьмахъ; потомъ вышелъ изъ военной службы, зажилъ въ деревнѣ крестьяниномъ; ушелъ и оттуда, а въ настоящее время служить рабочимъ на одномъ изъ московскихъ заводовъ.

«Я все своимъ умомъ кренился къ Божьей правдѣ... Много я думалъ, что такое жизнь, какъ понять ее ближе къ истинѣ. Читалъ сколько,— соціальная книги, декадентскія, Евангеліе. Дверь истины заперта. Въ послѣднее время стало больше прислушиваться къ шуму за дверью истины»...

Письмо такъ безграмотно, что трудно не только понять, но и прочесть. Чудовищные іероглифи, дѣтскія карауки о глубочайшихъ вопросахъ метафизики, мистики,— о жизни, о смерти, о Богѣ, о вѣчности.

Несмотря на безграмотность и косноязычіе,— иногда вдругъ страшная сила языка, но какая-то не личная, а общая, стихійная, какъ въ древнихъ былинахъ, сказкахъ и пѣсняхъ народныхъ. Въ отдѣльномъ голосѣ—гуль голосовъ безчисленныхъ. Сила стихійная, безсознательная. Кажется, сознай себя пишущій «писателемъ», и все исчезнетъ, растворится въ полуинтеллигентной, полуграмотной тусклости.